
МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ
Кристина Киселева

Кристина Киселева

МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ

«Автор»
2026

Киселева К. А.

МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ / К. А. Киселева — «Автор», 2026

Триста лет войны между Небом и Бездной сделали равновесие синонимом страха: мир держится на приказах, а не на справедливости. Лиара Вэйн — носительница пророчества и крови трёх миров — никогда не хотела быть оружием, но её слово однажды изменило реальность. Теперь обе стороны видят в ней ключ к окончательной победе — и готовы заплатить за это чужими жизнями.Когда Небесный и Пепельный Дворы готовят совместный удар по Академии — месту, где пытаются построить мир без деления на «своих» и «чужих», — перед Лиарой и её союзниками возникает ложный выбор: пожертвовать собой ради мира или позволить миру сгореть. Рядом с ней — демон стратег Дариан, для которого долг всегда был тяжелее любви, и ангел отступник Кассиэль, отказавшийся убивать во имя «равновесия». Вместе они решают не быть пешками в чужой игре.

© Киселева К. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ 6
Пролог 7
Глава 1. Та, что не должна была жить 8
Глава 2. Крылья, которых не видно 10
Глава 3. Кровь не врет 12
Глава 4. То, что скрывала мать 13
Глава 5. Трон в три голоса 14
Глава 6. Последняя ночь перед армиями 15
ЛИАРА ВЭЙН 16
Как ее нашли 16
Ночь пожара 16
Характер 16
КАССИЭЛЬ 18
Детство, которого не было 18
Почему он выбрал Лиару 18
Характер 18
То, чего он не знает 18
ДАРИАН 19
Дом, который он сжег сам 19
Почему он остался 19
Характер 19
То, чего он не знает 19
Триада: как они работают вместе 21
ВЕРА МОРДВИНОВА 22
Девочка, которую воспитала война 22
Переговорщица 22
Архив, которого нет 22
Почему она отправила Кассиэля и Дариана 23
Характер 23
То, чего не знает она сама 23
МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ 25
Глава 7. Рога 26
Глава 8. Пепел под камнем 28
Глава 9. Зал Первого 29
Глава 10. Рога вторые 31
МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ 32
Глава 11. Те, кто под черным флагом 32
Глава 12. Что продал Ваэль 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Кристина Киселева
МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ

МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ

«Порядок — это не сила.

Порядок — это когда ты можешь пересчитать

и не бояться, что тебе не поверят».

МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ

роман

Пролог

Три сотни лет небо горело.

Ангелы Небесного Двора и демоны Пепельной Бездны воевали за Пограничье — узкую полосу мира между их территориями, единственное место, где еще жили люди. Сначала они сражались за души, потом за территории, потом просто из ненависти, забыв, с чего все началось.

И только одно пророчество не давало им покоя ни тем, ни другим:

«Когда родится человек, чья кровь помнит обе половины мира, война окончится — или поглотит все».

Три сотни лет обе стороны искали этого человека, чтобы убить.

Двое нашли его первыми — ангел и демон. И вместо клинка дали ему имя и крышу.

Потому что семь лет назад, в ночь, когда сгорела деревня Тихие Пруды, они выбрали не предательство. Они выбрали девочку.

Глава 1. Та, что не должна была жить

— Лиара, поднимайся! Ты в первый день опоздаешь на церемонию посвящения!

Мать кричала снизу так, что дребезжали стекла. Лиара Вэйн, восемнадцать лет, сидела на подоконнике третьего этажа и смотрела на дорогу, ведущую к Академии Равновесия, — на белые башни с одной стороны и черные шпили с другой, сросшиеся посередине, как сросшиеся кости.

Сегодня из Пограничья, единственной человеческой земли, в Академию отбирали одного человека в пять лет. Сегодня — ее день.

— Мама, а что, если я не пройду? — крикнула она в ответ, натягивая серую форму курсанта.

— Тогда ты будешь первой в нашей семье, кто не прошел, — мать стояла в дверях, вытирая руки о передник, и глаза у нее были подозрительно блестящие. — Вэйны все проходят. Просто иногда не с первого раза. Твой отец, например...

— Папа прошел с первого.

— Вот видишь. Никакой интриги. Уходи уже.

На пороге мать обняла ее крепче обычного и прошептала в макушку:

— Если тебя спросят про кровь — не отвечай.

— Мам?

— Не отвечай. Что бы ни спросили.

Лиара хотела переспросить, но мать уже оттолкнула ее к калитке, и по ее лицу было видно: разговор окончен навсегда.

Академия Равновесия стояла на самой линии фронта — там, где заканчивались человеческие поля и начиналась мертвая полоса. Триста лет назад на этом месте подписали перемирие. Не мир — перемирие. И построили школу, куда по жребию отправляли детей трех рас: ангелов с их золотыми кровями и заносчивостью, демонов с их пепельной кожей и ослепительными улыбками, и людей — редких, тихих, всегда смотрящих в пол.

Человека в Академию допускали ради одного: человеческая кровь была единственной, что не горела ни в небесном огне, ни в пепельном пламени. Человек мог ходить на обе половины campus'a без охраны. Живой нейтральный проводник.

— Очередь на проверку крови! — рявкнул охранник у ворот. — Ангелы — налево, демоны — направо, люди — по центру!

Лиара встала в центр и почувствовала, как по спине пробежал холодок. Прямо на нее смотрели двое.

Первый — высокий, в белой форме курсанта Небесного Двора, с серебряными волосами, заплетенными в боевые косы. Ангелы не носили нимбов в Академии — их гасили специальными артефактами, чтобы никого не слепить, — но даже погасший нимб не мог скрыть, что перед ней кто-то из высшей касты. Второй стоял чуть в тени: темные волосы, пепельно-серая кожа, демоническая форма на два размера свободнее, чем следовало, и улыбка человека, который только что что-то украл.

— Новенькая, — сказал ангел, не отрывая от нее взгляда. — Смотри-ка.

— Вижу, — отозвался демон. — Не смотри так, Кассиэль. Ты ее пугаешь.

— Я? — ангел фыркнул. — Это ты у нас ходячая пугалка, Дариан.

— Я обаятельный.

— Ты украл у нашего декана значок с его собственного мундира. Я видел.

— Возвращаю же. Иногда.

— Лиара Вэйн! — гаркнул охранник. — Кровь!

Она протянула руку. Игла кольнула подушечку пальца, капля упала на серебряную пластину — и Лиара приготовилась увидеть обычное красное свечение, как у всех людей.

Пластина вспыхнула. Красным. Потом — золотым. Потом — пепельно-черным.

Охранник уронил планшет. Наступила тишина, как бывает перед грозой. А потом одновременно — со стороны белых башен и со стороны черных шпилей — зашевелилась вся площадь.

— Это ошибка, — прошептал охранник.

— Нет, — тихо сказал Дариан, и улыбка сошла с его лица. — Это пророчество.

Кассиэль шагнул к Лиаре и встал перед ней плечом, отгораживая от толпы.

— Не двигайся, — сказал он ей одними губами. — Сейчас начнется.

Глава 2. Крылья, которых не видно

Ее притащили в кабинет ректора — фактически, под конвоем: четыре ангела спереди, четыре демона сзади, все с одинаковыми лицами людей, которым только что сообщили, что завтра им нечем платить за ипотеку.

Ректор Мордвинова оказалась женщиной лет шестидесяти с седыми волосами и глазами, которые, казалось, видели насквозь все, кроме себя.

— Садись, Лиара Вэйн.

Лиара села. Стул под ней был теплый — как будто кто-то только что встал. Ректор заметила, как она моргнула.

— Да, это мое дело. Прости, привычка. Я читала твое досье. Тихие Пруды, семь лет назад, пожар. Сирота. Потом приют, потом учеба. Хорошая учеба. Слишком хорошая для девочки из деревни, которая сгорела.

— Я много читала.

— Ты много выживала. Это другое. — Мордвинова наклонилась ближе. — Проверка крови сегодня дала три цвета. Ты понимаешь, что это значит?

— Что я отравилась перед экзаменом?

— Это значит, что в тебе есть кровь трех миров. Человеческая, небесная и пепельная. Триста лет никто не рождался таким. Ни один из рожденных такими не дожил до adulthood. — Ректор выпрямилась. — Ты — тот человек из пророчества. Единственный, кто может закончить войну. Или... — она замолчала.

— Или?

— Или быть той, из-за кого она станет последней.

Лиара хотела сказать что-то дерзкое. У нее наготове было три отличных реплики — она репетировала их всю дорогу от дома. Но когда открыла рот, прозвучало только:

— Я не просила.

— Никто никогда не просил, — ректор вздохнула. — Знаешь, что самое смешное? Я сама человек. Всю жизнь работаю здесь. Всю жизнь смотрю, как небо и бездна точат ножи друг о друга. И вот приходит девчонка из сгоревшей деревни — и весь мой порядок летит к черту. — Она встала. — Ты останешься в Академии. Под тремя охранами, двумя лжи и одним секретом. А чтобы тебе было не так скучно, я приставлю к тебе двух... пусть будут «кураторов».

— Двух?

— Одного от каждой стороны. Чтобы ни небо, ни бездна не смогли сказать, что я на чьей-то стороне. И чтобы за тобой следили в два раза лучше.

Так Лиара получила двух кураторов.

Кассиэль — ангел из рода Хранителей Клинка, старший курс, лучший боец Академии за последние сорок лет и, по слухам, человек, который однажды отказался от титула Архистратига, потому что «это слишком громко кричат».

Дариан — демон из рода Пепельных Собирателей, старший курс, лучший стратег Академии за последние сорок лет и, по собственному признанию, «существо, которое находит удовольствие в порядке вещей».

Они ненавидели друг друга так профессионально, что это было почти искусство.

— Она моя на восемь часов, — сказал Кассиэль, скрещивая руки. — Тренировки, тактика, клинковое дело.

— Она моя на восемь часов, — парировал Дариан, без усилий усаживаясь на подоконник, будто сидел на троне. — История войны, ритуалы, дипломатия.

— Она человек, а не турнирный приз.

— Она пророчество, а не твоя игрушка, крылатый.

— Не называй меня крылатым.

— А как тебя называть? «Сеньор Сияние»?

— Лиара, — вмешалась она, — а могу я, пока вы двое выясняете, кто меня называет как, поесть?

Оба повернулись к ней.

Кассиэль смотрел так, будто увидел то, чего не ожидал. Дариан — так, будто все увидел еще вчера.

— Она тебе нравится, — прошептал Дариан Кассиэлю.

— Замолчи.

— Тебе нравится, что она не боится.

— Я сказал замолчи.

— И мне тоже нравится, — закончил Дариан, и в его голосе впервые за весь вечер не было ни грамма насмешки.

Глава 3. Кровь не врет

Первую неделю Лиару учили ходить.

Не так, как ходят все, — а так, как ходит тот, у кого в жилах три крови. Кассиэль учил ее дышать так, чтобы небесный огонь не выжигал легкие, если ей вдруг придется оказаться на территории ангелов. Дариан учил ее видеть в темноте — потому что пепельная кровь реагировала на темноту, растягивая зрачки до размеров, о которых человеку и не снилось.

На пятый день Лиара вошла в тренировочный зал и потребовала:

— Научите меня драться.

Кассиэль и Дариан переглянулись.

— Ты человек, — сказал Кассиэль осторожно. — Люди в Академии не дерутся с ангелами и демонами. Они дерутся с другими людьми.

— А если война станет последней? — спросила Лиара. — Если я окажусь там, где оба огня? Мам сказала: если спросят про кровь — не отвечать. Но кровь уже ответила. Вся Академия видела. Так что научите меня драться, пока меня не научил убивать кто-то другой.

Тишина.

Потом Дариан, медленно, снял с запястья тонкий браслет — знак своего рода — и бросил его на пол.

— Хорошо, — сказал он. — Начнем с того, что ты упадешь. Много раз. Сегодня, завтра, послезавтра. Прости, что сразу говорю.

— Не прощу, — сказала Лиара, поднимаясь на ноги. — Но начнем.

Кассиэль вдруг рассмеялся — впервые за неделю, впервые в ее присутствии. Смех у него был неожиданный, почти мальчишеский.

— Она не понимает, с кем говорит.

— Она понимает лучше нас, — ответил Дариан и встал в стойку. — Давно я не встречал того, кто не хочет мне нравиться. Это освежает.

На третьей неделе Лиара впервые коснулась чужой крови.

На тренировке Кассиэль не рассчитал силу, и она упала, рассекши ладонь о каменный пол. И тогда случилось то, чего не ждал никто: кровь, капнувшая на пол, засветилась. Спокойно, мягко — сначала золотым, потом пепельным — и потекла не вниз, а вверх, к потолку, вычерчивая в воздухе слово на языке, которого Лиара никогда не учила.

Кассиэль и Дариан замерли.

— Что это значит? — спросила Лиара, глядя на светящееся слово.

Дариан поднял голову. У него был вид человека, который увидел свою могилу и понял, что там написано его имя.

— Это значит, — сказал он тихо, — что пророчество реально. И что оно, черт возьми, читаемо только ее кровью.

— Переведи, — потребовал Кассиэль.

— «Двое, что сражались друг против друга, найдут в одной руке общий меч».

Тишина в зале была такая, что слышно, как капает кровь.

— Это не конец войны, — прошептал Кассиэль.

— Нет, — согласился Дариан. — Это хуже. Это — ее свадьба с нами обоими.

Глава 4. То, что скрывала мать

Письмо от матери пришло в полночь — что уже само по себе странно, потому что почта между Пограничьем и внешним миром ходила только днем.

Конверт был обожжен по краям. Внутри — одна строчка, написанная торопливо:

«Лиара. Уходи из Академии сегодня ночью. Они тебя нашли. Мама».

Лиара читала это письмо на крыше общежития, когда за спиной услышала шаги. Двое.

— Не стоит, — сказал голос Дариана. — Если ты уйдешь, тебя убьют до рассвета. Убьют те, кто убил твою деревню.

Она обернулась. Дариан стоял в тени, Кассиэль — в лунном свете, и лица у обоих были одинаково страшные.

— Вы знали? — спросила она. — Про Тихие Пруды?

Кассиэль ответил первым:

— Я знал. Я был там, семь лет назад. Я был тем, кто вытащил тебя из огня.

— Что?..

— Тебе было одиннадцать. Тебе дали зелье забвения. Ты не должна была помнить ничего. И ты не помнила. До сегодняшнего дня.

Лиара почувствовала, как пол качается под ногами.

— А ты? — повернулась она к Дариану.

Дариан улыбнулся — но улыбка была дрожащая.

— Я был тем, кто приказал сжечь деревню. По приказу Пепельного Двора. Мне было девятнадцать. Я думал, что выполняю приказ. Потом понял, что выполнял собственный страх. — Он опустил глаза. — Я оставил тебе извинение. Оно до сих пор у тебя в памяти. Просто ты его не слышала.

— Какое?

— «Прости, что мы пришли не за врагом. Прости, что мы пришли за тобой».

Ветер на крыше вдруг стал холодным, как лезвие. Лиара стояла между двумя существами, которые триста лет должны были друг друга убивать, и понимала, что впервые в жизни видит правду целиком — и правда была ужасна.

— Так что же делать? — спросила она наконец.

— То, что никто не делал три сотни лет, — ответил Кассиэль. — Пойти к Дворам. Обоим. И сказать: мы больше не играем в вашу войну. У нас есть общий меч. И имя у этого меча — она.

Глава 5. Трон в три голоса

На следующее утро Академия проснулась от звука боевых рогов. С севера шли небесные легионы. С юга — пепельные армии. Обе стороны шли по Академию, потому что пророчество перестало быть только слухом.

Ректор Мордвинова собрала весь персонал в большом зале — впервые за сорок лет.

— Стратегически, — сказала она ровно, — у нас нет шансов. Политически — у нас нет союзников. Но есть одно слово, которое триста лет запрещено говорить в этом мире. Оно запрещено, потому что, если его произнести вслух, обе армии обязаны остановиться. Это слово из старого языка. Оно означает «перемирие, клятва и правда одновременно».

— Какое слово? — спросил кто-то.

— «Триединство», — сказала Мордвинова и посмотрела на Лиару. — Но его может произнести только тот, у кого три крови. И его нельзя сказать в одиночестве. Рядом должны стоять ангел и демон, выбравшие ее добровольно. Не по приказу. Не из страха. Из любви.

Зал замер.

Кассиэль и Дариан переглянулись. Впервые за всю историю Академии ангел и демон стояли и молчали об одном и том же.

Кассиэль протянул руку — ладонью вверх, не сжимая, ожидая решения.

Дариан положил свою руку сверху на его ладонь.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил Кассиэль.

— Понимаю. Это значит, что мы теперь связаны навсегда. И что ты мне будешь раздражать до конца жизни.

— Ты мне тоже.

Они повернулись к Лиаре.

— Мы с тобой, — сказали они одновременно — и, услышав друг друга, впервые за сорок лет посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Лиара поднялась на ступеньку зала. В ее жилах, как она теперь знала, текли три крови. Она подняла руку — и кровь сама потекла по ладони, вычерчивая светящееся слово.

— Триединство, — произнесла она.

Глава 6. Последняя ночь перед армиями

В ту ночь, перед тем как легионы дойдут до стен, они сидели втроем на крыше — впервые без дежурств, без ролей, без статусов. Просто три человека, если считать двух из них людьми в самом глубоком смысле.

— Страшно? — спросил Кассиэль.

— Ужасно, — честно ответила Лиара. — А тебе?

— Мне? — он помолчал. — Я впервые за двадцать лет чего-то хочу. Это странно. Как будто я все двадцать лет был винтиком в машине, а сейчас вдруг понял, что умею желать.

Дариан рассмеялся:

— Сеньор Сияние научился желать. Отметим в летописи.

— Не называй меня сеньором Сиянием.

— Назову. Ты же называй меня пепельным слизнем.

— Я так не говорил.

— Ты думал. Я слышу мысли тех, кого люблю.

Кассиэль замер. Дариан тоже.

Впервые слово «люблю» прозвучало между ними вслух — не к ней, а друг о друге, о всех троих сразу, о том, что стало между ними за эти недели.

— Я не думал, что скажу это, — сказал Кассиэль тихо.

— Я тоже, — ответил Дариан.

— А я, — сказала Лиара, — думала с самого первого дня. Просто боялась сказать первой.

Они сидели втроем до рассвета, держа друг друга за руки, как будто так можно было остановить армии. И, честно говоря, это сработало лучше, чем все рога и все клинки.

ЛИАРА ВЭЙН

«Та, что не должна была жить»

Возраст: 18 лет на момент поступления. **Происхождение:** деревня Тихие Пруды, Пограничье. **Кровь:** человек — и, как выяснилось при проверке, все три крови сразу.

Как ее нашли

Лиара родилась в семье углежога и травницы — по крайней мере, так гласили документы. Тихие Пруды были обычной деревней: ткали, сушили грибы, боялись неба и бездны одинаково. Когда ей был один год, мать нашла на пороге дома сверток — нет, не ребенка. Кинжал из черного серебра и записку на старом языке, которую мать сжег, не дочитав. На этой записке было одно слово, перевести которое она потом всю жизнь не давала никому: *«Возвращаю»*.

Ночь пожара

Когда Лиаре было одиннадцать, в деревню пришли из Бездны. Приказ был короткий: найти ребенка, стереть деревню. Как вы уже знаете, приказ отдал Дариан — и до сих пор не знает, что за минуту до удара он изменил маршрут зачистки на три улицы. Эти три улицы спасли ее мать.

Вытащил Лиару из огня Кассиэль — не по приказу. Небесный Двор послал его туда за тем же: найти ребенка пророчества и убрать. Он увидел в дыму девочку, которая тащила за руку чужого младшего брата, и в этот момент что-то в нем надломилось. Он вынес обоих. Младший брат не выжил. Кассиэль до сих пор не знает его имени — и это одна из причин, почему он так цепляется за Лиару: она живая, настоящая поправка на его ошибку.

После пожара Лиаре стерли память зельем забвения. Обе стороны решили: ребенок «нейтрально сгорел», пророчество закрыто. Оба агента соврали своим Дворам. Соврали одинаково и синхронно — они встретились на границе и, не сговариваясь, сказали: «Объект не найден». Это был их первый совместный поступок. Второй — спустя семь лет.

Характер

Упрямая не из принципа, а из выживания. После приюта она научилась: если уступишь — отберут. Поэтому спорит даже там, где спорить смешно.

Читает людей по рукам. Люди в Пограничье не привыкли, что на них смотрят боги — ангелы и демоны для нее просто «те, у кого лицо говорит быстрее слов». Она замечает дрожь Кассиэля за минуту до того, как он сам понимает, что злится.

Страшится не смерти, а повторения. Ее главный кошмар — не огонь, а то, что она снова не сможет никого спасти. Отсюда требование «научите меня драться» — это не про силу. Это про контроль.

Держит все три худшие свои мысли в голове одной строчкой: «Если я умру, они убьют друг друга». Это ее двигатель и ее уязвимость одновременно.

То, чего она не знает (секреты Части

III

)

Мать Лиары — не углежогова жена. Она — последняя из рода Первого, того самого человека с тремя кровями, который начал войну. Его род двести лет прятал своих детей среди людей. Лиара — не «первая» с тремя кровями. Она **последняя** — той ветви, которую Первое

существо создавало специально, как ключ. Записка на пороге с одним словом «Возвращаю» писана рукой, которой двести лет.

КАССИЭЛЬ

Хранитель Клинка, старший курс Небесного Двора

Возраст: 24 года (по меркам ангелов — юноша, по меркам Академии — старик на тренажерном холле). **Род:** Хранители Клинка — потомки боевой касты Небесного Двора, те, кто первым поднял меч в войне. **Особенность:** отказался от титула Архистратига в 22 года. Причина, которую он называет: «слишком громко кричат». Причина, которую не называет: звание Архистратига дает право первым входить в битву — и его отец погиб первым.

Детство, которого не было

У ангелов Хранителей нет детства — есть посвящение. В четыре года Кассиэля отдали в военный храм, и с этого дня у него было расписание: клинок, тактика, небесная грамота, сон. Ему не читали сказок. Ему читали хроники сражений. В десять он впервые увидел демона — мертвого, на поле боя. В двенадцать — впервые живого. Живой оказался мальчишкой его возраста, и они просидели в окопе четверть часа, не убивая друг друга, потому что оба боялись шевельнуться раньше. Этого демона потом звали **Лоран** — и да, это будет важно: Лоран позже поступил в Академию, и он единственный, к кому Дариан ходит говорить, когда ему плохо.

Почему он выбрал Лиару

Кассиэль не признается даже себе, но выбор он сделал на пожаре в Тихих Прудах, в ту секунду, когда девочка в дыму посмотрела ему в глаза — не со страхом, а с требованием: *«Помоги ему»*. Не «спаси меня». Помоги ему. Он вынес обоих — и не смог спасти. С той ночи у него есть привычка, о которой не знает никто: он держит в кармане мундира обгоревшую деревянную пуговицу с чужого пальто. Не рассказывает даже Дариану.

Характер

Говорит меньше, чем думает, — и это его главная проблема. За всю книгу он скажет «мне нравится, когда ты рядом» один раз и семь месяцев будет делать вид, что этого не было.

Порядок — его религия. Он складывает вещи по углам, чистит клинок по расписанию и ненавидит опоздания настолько, что приходит на десять минут раньше — не потому что пунктуальный, а потому что боится, будто без него что-то рухнет.

Ненавидит высоту. Да. Ангел, у которого дрожат руки при виде обрыва. Никто в Академии не знает — кроме Лиары, которая заметила это на второй неделе и промолчала. Это ее способ сказать «я тебя вижу».

Юмор у него — сухой и внезапный, как град летом. Один раз за вечер, всегда в самую неподходящую секунду.

То, чего он не знает

Небесный Двор с самого начала знал, что ребенок пророчества жив. И послал Кассиэля в Академию не для «кураторства», а для того, чтобы в нужный момент он **сам** убил ее — потому что Двор не хочет повторять ошибку Первого: они хотят, чтобы рукой взмахнул тот, кому она доверяет. Приказ запечатан в его родовом перстне. Он откроется в главе 28-й.

ДАРИАН

Пепельный Собиратель, старший курс Пепельной Бездны

Возраст: 25 лет. **Род:** Пепельные Собиратели — каста, которая в войне не сражалась первой, а заканчивала: после боев они «собирали» то, что осталось — души, реликвии, свидетелей. **Особенность:** единственный демон Академии, который умеет улыбаться, не сверкнув клыками. Дариан контролирует каждый свой мускул — он учился этому не для обаяния. Для выживания.

Дом, который он сжег сам

Дариан — второй сын в семье Собирателей. Старший брат, **Ваэль**, был идеалом: сильный, тихий, преданный Бездне. В семнадцать Дариан узнал, чем на самом деле занимается «сбор»: Собиратели не только уносили реликвии — они решали, кого стереть, чтобы не осталось свидетелей. Ваэль вел списки. Дариан спросил у брата, как он спит по ночам. Ответ он запомнил на всю жизнь: *«Я не сплю. Я подбираю»*.

Дирижирование зачисткой Тихих Прудов было его первым самостоятельным приказом — в девятнадцать. Он отдал его, потому что думал: если не он, то Ваэль, и тогда в списке окажется больше домов. Это не оправдание. Это его груз: он **выбрал наименьшее зло**, а потом понял, что наименьшее зло — это все равно выбирать, кто сгорит.

Почему он остался

В ту ночь, по приказу, он должен был убедиться: «объект не найден». Он увидел, как ангел выносит из огня живого ребенка, — и впервые в жизни нарушил протокол, не доложив Двору. Он врет себе, что сделал это из расчета: «мертвое пророчество безопаснее живого». На самом деле он увидел, как ангел и человек держатся за руки в дыму, и понял, что его мир — неправильно устроен. Это было невыносимо и необъяснимо. Он ушел в темноту и семь лет не говорил об этом даже с Лораном.

Характер

Всех защищает юмором, как щитом. Чем страшнее ему, тем смешнее он говорит. Лиара первой заметила закономерность: когда Дариан особенно остроумен — значит, ему особенно плохо.

Помнит все. Каждый приказ, каждое имя, каждое лицо. Это не дар, это наказание. Его память — склад грехов, и он знает все позиции наизусть.

Никогда не отказывается от еды. Демоны Бездны едят мало — Дариан ест много, потому что еда — первое человеческое удовольствие, которое он позволил себе после Тихих Прудов. «Ешь со мной — значит, прощаешь», — так он однажды скажет Лиаре, и это будет единственный раз, когда он просит о прощении словами.

Панически боится близости с родом. Если рядом два Собирателя — он меняет маршрут. Не потому что боится. Потому что не уверен, что не выполнит их приказ.

То, чего он не знает

Его брат Ваэль не умер на войне, как все думают. Ваэль жив — и занимает место в совете Пепельного Двора. В главе 33-й Бездна отправит Ваэля к Дариану с тем же приказом, с каким

Небесный Двор отправил Кассиэля. Два старших брата, два запечатанных приказа, две руки, которые должны убить одну девочку. В этом — вся ловушка Части IV.

Триада: как они работают вместе

Лиара — сердце. Она не сильнейшая, не умнейшая, не старейшая. Она единственная, кто задает вопрос «а зачем?» — вопрос, который ни ангелы, ни демоны не задавали триста лет.

Кассиэль — меч. Он дает группе силу и волю. Его слабость — он верит, что силу можно взять и удержать. Лиара будет учить его отпускать.

Дариан — разум. Он просчитывает выходы, читает людей, находит ложь. Его слабость — он не верит, что сам чего-то заслуживает. Кассиэль будет учить его тому, чего не умеет сам: принимать.

А связывает их не пророчество и не кровь. Связывает их **Лоран** — тот самый демон из окопа, единственный, кто знает про обоих и молчит. Он появится в главе 14-й — и он будет первым, кого они потеряют.

ВЕРА МОРДВИНОВА

Ректор Академии Равновесия. Человек. Восьмой в роду Первого.

Возраст: 61 год. Директор Академии — 19 лет. До этого — 30 лет на службе: 15 лет переговорщиком на линии фронта, 15 лет — в Архиве Перемирия, где хранятся документы, которых официально не существует.

Особенность: единственный человек, который дважды за триста лет держал в руках подлинный договор о перемирии. Один раз подписывала. Один раз — рвала.

Девочка, которую воспитала война

Вера родилась в Пограничье, в год одного из самых тяжелых перемирий — в 19-й год Восьмого Возобновления, когда небо и бездна «братались» по бумаге и резали друг друга по факту. Ее отец был полевым врачом — лечил всех: людей, ангелов, демонов, если те доползали. Он научил ее одному правилу, которое она потом повторит ректором сотни раз: *«Рану промывают, пока не увидишь дно. Иначе гниль останется»*.

В шестнадцать она потеряла обеих рук в обстреле — и обе вернули. Небесные лекари дали ей одну, пепельные — вторую. С тех пор ее правая рука греется чуть сильнее левой, и она всегда знает, кто стоит от нее справа. Эта деталь появится в романе: Дариан заметит, что она при разговоре с ним правой рукой держится за подлокотник. «Ваша сторона когда-то отрезала мне кисть, — скажет она. — Пепельные ремесленники вернули. Не благодаря вам. Несмотря на».

Переговорщица

В двадцать шесть ее отправили на линию фронта — переводить условия капитуляции одного осажденного города. Она вернулась через месяц, города без осады — и с новым званием. Способность Мордвиной не в красноречии. Она умеет слышать **то, о чем стороны договорились, но не сказали вслух**. На переговорах она однажды остановила готовое соглашение за секунду до подписания — потому что услышала, что одна из делегаций в шепоте назвала дату, которой не было в тексте. Так была предотвращена Вторая Безднянская резня. Обе стороны ее за это ненавидят по сей день — одинаково, что для нее высшая похвала.

Именно там она встретила **Лорана** — тогда еще совсем юного демона-связного. Он был слишком честен для Бездны, и она взяла его под крыло, не спрашивая разрешения ни у кого. Лоран — единственное существо в мире, которому она позволила звать себя по имени.

Архив, которого нет

В тридцать один ее перевели в Архив Перемирия. Туда не пускают никого — туда отправляют тех, кто знает слишком много, чтобы держать их рядом с властью. Мордвинова должна была разбирать и каталогизировать. Вместо этого она начала **читать**.

И нашла то, за что ее предшественников убивали.

В запечатанном ящике, помеченном как «не открывать до Триединства», лежали три вещи:

подлинная хроника начала войны — написанная рукой человека;

письмо Первого — того самого, кто триста лет назад хотел мира и получил войну;

список детей его рода — с пометками: жив, мертв, **спрятан**.

Последняя строка списка была дописана чужой рукой лет сорок назад: *«Вэйн, женская линия, Пограничье»*.

Мордвинова поняла две вещи в один вечер. Первая: где-то в Пограничье живет последняя из рода Первого. Вторая: она — восьмая в этом же роду, младшая ветвь, которую ее собственная семья прятала от нее самой, чтобы девочка могла вырасти обычным человеком, а не ключом.

Поэтому когда на проверке крови у новенькой курсантки вспыхнули три цвета, ректор Мордвинова не удивилась. Она поставила чашку, не пролив ни капли, и подумала: *«Наконец-то. И какой же я была дурочка, что надеялась — не она»*.

Почему она отправила Кассиэля и Дариана

Официальная версия — «по куратору от каждой стороны, для баланса».

Настоящая — в три слоя:

Первый слой. Она знала, что оба Двора уже отправили в Академию убийц. Поэтому взяла двух курсантов, на которых у нее были рычаги, и превратила их в телохранителей раньше, чем те поняли, что стали курьерами.

Второй слой. Кассиэля она выбрала не случайно. В его родовом перстне запечатан приказ — она узнала об этом из Архива: Небесный Двор готовил исполнителя из числа тех, кому жертва доверяет. Она не может снять печать. Но она может сделать так, что к моменту, когда печать откроется, Кассиэль уже будет принадлежать не Двору — а Лиаре.

Третий слой. Дариана она выбрала, потому что именно он отдал приказ о Тихих Прудах. Это не милосердие — это расчет: Собиратель, который носит в себе вину за деревню, не отдаст девочку Бездне. Вина — самый надежный замок из всех, что она знает.

А про Лорана она знает то, чего не знает даже Дариан: юного демона-связного из ее переговорной команды двенадцать лет назад купили в подручные Ваэлю. Лоран молчит не потому, что верен обоим. Он молчит, потому что служит третьей стороне — и в главе 14-й это столкнется с его дружбой с Дарианом.

Характер

Говорит коротко и никогда не повторяет дважды. Считает, что человек, которому надо повторить, не заслуживает второго шанса на информацию. Единственное исключение сделала для Лиары — и сама не заметила, когда оно стало постоянным.

Чай пьет кипятком, не заваривая. Говорит: «заварка — для тех, кто ждет». Она не ждет уже сорок лет.

Боится одного: что сделает с миром то же, что Первый, — «спасет» его так, что он не переживет спасения. Поэтому все девятнадцать лет ректорства она не принимала ни одного «большого решения» без того, чтобы умышленно оставить в нем лазейку, через которую можно отступить. Лазейку она оставляет даже в ловушках, которые ставит сама.

Единственная ее роскошь — лошадь по имени Осень, которую она единственная в Академии выхаживает сама. Говорит: «Лошадь не врет о том, кто держит поводья». В главе 21-й Осень окажется единственной, кто не даст ей уйти туда, куда она собралась умирать.

То, чего не знает она сама

В Архиве, в том же запечатанном ящике, под хроникой и списками лежит четвертая вещь, которую она так и не решилась открыть, — **зеркальце из черного серебра**, то самое, что когда-то лежало на пороге дома Вэйнов рядом с кинжалом и запиской «Возвращаю».

Если посмотреть в него — увидишь не отражение. Увидишь первый свой выбор. Мордвинова не знает, что смотрит туда уже девятнадцать лет, потому что зеркало стоит в ее кабинете — как пресс-папье. И каждый раз, когда она решает «во имя Лиары», зеркало незаметно вытирает с ее памяти одну строку: **цену** этого решения. Кто должен будет заплатить.

В финале Части IV, когда Лиара спросит ее: «Сколько людей вы уже стерли из своей памяти?» — ректор впервые посмотрит на пресс-папье. И поймет, почему на всех переговорах ее жизни кто-то всегда говорил: *«Мордвинова никогда не называет цену»*.

МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ

Часть II. ОБЕ АРМИИ

Глава 7. Рога

Первым звуком войны в этот раз оказался не рог. Это была ложка.

Лиара сидела в столовой Академии, размешивала остывшую кашу и смотрела, как за окном — далеко, за мертвой полосой — над белыми шатрами Небесного Двора поднимается золотая пыль. Армия стояла там два дня и не двигалась. Это было хуже, чем если бы двигалась: армии, которые стоят, выбирают. Армии, которые идут, уже выбрали.

— Ты ломаешь ложку, — сказал Дариан, садясь напротив. У него была полная тарелка — не потому что голоден, а потому что еда успокаивала его больше, чем все медитации мира.

— Нет.

— Ломаешь. Уже третью. Ты жуешь ложку, как переплетная мышь.

— Это злость, а не аппетит.

— У нас это называется одно и тем же.

Лиара отложила то, что осталось от ложки, и посмотрела на него. С Триединства прошло четыре дня. Четыре дня, в которые ничего не случилось — и это было страшнее всего.

— Почему они ждут?

— Потому что ждем мы. — Дариан взял кусок хлеба и повертел его, как будто хлеб мог подсказать стратегию. — Армия без приказов — это толпа с мечами. Армия, которая стоит и ждет, пока противник сделает первый ход, — это армия с планом. С обеих сторон стоят. Значит, оба Двора ждут одного: чтобы кто-то сделал первый ход за них.

— Кто-то — это мы?

— Кто-то — это ты. Но идут к тебе через нас.

— Уютно.

— Всегда готов устроить.

За соседним столом ангелы первого курса замолкли и деланно громко заговорили о распорядке тренировок. По всей столовой люди понижали голос. Лиара заметила, как это всегда происходит теперь: стоило ей войти — разговоры прерывались, как свечи на сквозняке. Она стала тем, о ком не говорят в полный голос.

— Лиара. — Кассиэль опустился рядом так бесшумно, что она вздрогнула. Ангелы так не ходят — у ангелов крылья, а Кассиэль ходил как человек, которому всю жизнь дежурят ночами и который не хочет никого будить. — Ректор вызывает. Всех троих. Кабинет. Немедленно.

— «Немедленно» — это ее слово. Ты его никогда не используешь.

— Использую. Потому что это ее слово, и она сказала его со слезами в голосе.

Лиара и Дариан переглянулись. Слезы Мордвиновой были такой же бессмыслицей, как ангел, боящийся высоты.

— Что-то случилось? — спросила Лиара, уже вставая.

— Рога, — сказал Кассиэль. — Только не с севера.

В кабинете ректора пахло горелым — не бумагой, не деревом. Пеплом. Мордвинова стояла у окна спиной к двери. На столе лежала карта, а на карте — тонкая, свежая, не успевшая завянуть ветка осенней березы, которую ректор держала в вазе каждое утро. Осень. Где-то внизу, в конюшне, неспокойно ржала ее лошадь.

— На юге, — сказала Мордвинова, не оборачиваясь, — стоит вторая армия. Пепельная. Она пришла не после северной. Она пришла **вместе** с северной. Синхронно. На рассвете четырнадцатого дня осеннего месяца, триста лет назад, две армии впервые вошли в Пограничье одновременно. Это написано в хронике, которую я сожгла двадцать лет назад.

— Значит, — медленно сказал Дариан, — сегодня годовщина.

— Сегодня годовщина начала войны. И оба Двора выбрали ее, чтобы поставить точку. Они не собираются воевать друг с другом, Дариан. — Мордвинова обернулась. У нее было лицо человека, который за ночь состарился на пять лет. — Они собираются воевать с нами.

— С Академией? — спросил Кассиэль. — За что?

— Не за что. **Из-за.** Мы — единственное место в мире, где у трех кровей одна крыша. Пока Академия стоит, у мира есть прецедент. Вчера ночью ко мне пришел гонец Небесного Двора и гонец Бездны. Они прибыли в одну минуту, с одной бумагой, подписанной обеими руками. Впервые за триста лет обе стороны подписали один документ. Хотите прочесть?

Она протянула лист. Лиара взяла его — и почувствовала, что бумага теплая, как кровь.

Прочитала вслух:

— «Академия Равновесия передает носительницу пророчества до заката. В противном случае город будет стерт, а Академия снесена. Ни камень на камне». — Она подняла глаза. — Оба Двора согласились в одном. Согласились **обо мне**.

— Это первый консенсус за триста лет, — сказал Дариан, и его голос был ровным и легким, что означало: он в ярости. — Мы почти объединили мир. Жаль только, — он показал зубы, — что объединились они нас убивать.

— До заката — сколько? — спросил Кассиэль.

— Четыре часа, — ответила Мордвинова. — Теперь слушайте. Я выстроила все это девятнадцать лет и не имела права вам говорить, пока вы сами не выбрали Триединство. Выбрали — теперь имеете. Лиара, твоя кровь — ключ. Но ключ ничего не открывает, пока не знают, где замок. Я знаю, где замок. Замок — под Академией. Прямо под нами. Триста лет назад сюда приходили двое: ангел и демон. Они не подписывали перемирие. Они **его саботировали**. — Она положила ладонь на карту. — И вот тут начинается то, чего не знает ни один Двор.

Глава 8. Пепел под камнем

Спуск под Академией нашла не Мордвинова. Его нашла Осень.

Двенадцать лет назад лошадь ректора с испугу била копытом в пол конюшни — в одном и том же месте, каждую ночь. Лекари кляли, что лошадь чиста. Только Мордвинова догадалась послать за каменщиком. Под плитой нашли ступени — старые, человеческой работы, ведущие вниз, под фундамент Академии, в залу, которой не было ни на одном чертеже.

Теперь они спускались втроем — Лиара между Кассиэлем и Дарианом, ректор замыкала — по лестнице, которую не освещали три столетия. Факелы в руках Кассиэля горели белым — небесный огонь, — и там, где проходил свет, со стен сыпался пепел. На стенах были высечены строки, и Лиара читала их, не отрывая взгляда, потому что читала **своей** кровью: буквы загорались при ее приближении и гасли за спиной.

— Читай вслух, — попросила Мордвинова тихо.

— «Мы пришли сюда не умирать, — переводила Лиара, — а услышать, что скажет третий. Тот, кто ни небо, ни бездна. Мы, первые, простим друг друга — если третий простит нас. Триста лет мы будем ждать слова. Потом придет кто-то, кто родится с нашей кровью. И если он скажет то же, что сказало бы третье — небо и бездна перестанут существовать как враги. Если не скажет — пусть он не ищет у нас пощады».

Дариан остановился. — Третье?.. Кто «третье»?

— Люди, — сказала Мордвинова. — В старой книге мир — это трое: небо, бездна и то, что между. Человек — не пешка. Человек — **третья сторона**, о которой оба Двора забыли, потому что ей удобно оставаться слабой. Перемирие триста лет назад не подписали, потому что не спросили людей. Вот кто виноват в войне, Дариан. Не армия. Не совет. Все вместе — потому что никто не счел нужным спросить у слабейших, хотят ли они этого мира.

Лиара подняла руку и приложила ладонь к последней строке. Кровь откликнулась — полоснула по венам теплом, золотым и пепельным одновременно, и слово на стене вспыхнуло так ярко, что закричали от неожиданности даже ангелы наверху.

Дверь в конце лестницы открылась сама.

Глава 9. Зал Первого

Зала была круглая. В центре — алтарь из черного серебра, тот самый металл, что лежал когда-то на пороге дома Вэйнов. На алтаре лежали два предмета: клинок без имени и зеркало.

Лиара сделала шаг — и поняла все сразу, раньше, чем успела испугаться.

— Это то же самое зеркало. То, что у моей матери на пороге.

— Твоей матери? — Мордвинова повернулась к ней медленно, и в ее лице проступило что-то, чего Лиара никогда не видела: страх. Не за себя. — Лиара. Твоя мать жива?

— Вы не знали? — Лиара почувствовала, как земля уходит куда-то в сторону. — В письме... Она прислала письмо. Она предупреждала меня. Она жива. Она всегда была жива.

Тишина. Дариан сжал кулаки. Кассиэль положил руку на рукоять меча — жест, который обычно означал «готов к атаке», а теперь означал «готов к любой правде».

— Мордвинова, — произнес Дариан очень осторожно. — Если Вэйн — род Первого... то Лиара и вы...

— Восьмая в младшей ветви, — сказала ректор ровно. — Мой род прятал меня от самого меня. Я нашла это в Архиве в тридцать один год и с тех пор не спала дважды подряд в одну неделю. — Она вздохнула. — Да. Она — моя родня. Дальняя. Но кровная. Это я отправила ее мать под чужое имя в Тихие Пруды, когда та родила. Это я спасала ее всю жизнь — и от этого спасения вышла война за ее жизнь. Хотите узнать цену?

— Не надо, — вдруг сказала Лиара.

Все обернулись.

— Вы не должны ее называть, — продолжила Лиара, и голос ее был спокоен — впервые за все это время. — Цену она знает. И я, кажется, тоже начинаю. Мама сказала: «Не отвечай, если спросят про кровь». Она знала. Она все это время прятала меня не от Дворов. Она прятала меня от вас, ректор. Не потому что вы плохая. Потому что каждый, кто рядом с пророчеством, хочет им распорядиться. И она знала, что вы не исключение. — Лиара подошла к алтарю. — А я скажу цену вслух. За то, чтобы я дошла до этого зала, сгорела деревня. За то, чтобы Кассиэль вытащил меня, — его напарник. За то, чтобы Дариан отменил приказ, — его брат на лжи. За то, чтобы вы меня растили девятнадцать лет, — вы стерли из себя, кто вы. Вот цена. И я плачу ее первой.

Никто не двинулся.

Потом Дариан медленно заговорил:

— Значит, «третий». Значит, слово нужно сказать тройкой — но вслух, как сказал бы человек.

— Вы понимаете, что это значит? — Мордвинова смотрела на них всех, и голос ее дрогнул впервые за всю карьеру. — Триединство не «слово примирения». Триединство — это **отказ от войны вообще**. Отказ для всех — для Дворов, для армий, для вас. Если вы его произнесете — ни у кого не будет больше права решать за других. Ни небо, ни бездна, ни ректор, ни пророчество. Мир станет таким, каким его сделают люди — все три крови сразу, в том числе самые глупые, самые злые, самые мелкие. Вы уверены, что хотите такого мира?

Кассиэль посмотрел на Лиару. Дариан — тоже.

— Мой мир, — сказал Кассиэль тихо, — был расписание и смерть. Твой, Дариан, — списки и ложь. Ее мир был деревня, которая сгорела. — Он повел плечом, как перед прыжком. — Я готов попробовать тот, где никто не решает за других.

— Я согласен, — сказал Дариан просто. — Особенно мне понравится мир, в котором меня больше не будут вызывать на переговоры убивать свидетелей.

— Ректор? — спросила Лиара.

Мордвинова долго молчала. Потом достала из-за пояса сложенный лист и положила его на алтарь рядом с зеркалом.

— Это моя отставка, — сказала она. — Написана девятнадцать лет назад, в ту ночь, когда я поняла, что буду прятать от вас правду. Я обещала себе: когда придет день, — подать ее. Сегодня этот день.

Глава 10. Рога вторые

Наверху, в это же время, над Академией начали гореть закатные облака. Час до срока.

И тогда прозвучали рога. Но не с севера и не с юга.

С запада.

Дариан вылетел из зала первым, взлетев по лестнице в три прыжка. За стеной, на западной стороне, — там, откуда никто не ждал никого, — поднимался черный флаг. Не белый, не золотой, не пепельный. Черный, с вышитым на нем серебром корнем — знаком, который Лиара видела один раз в жизни: на записке на пороге.

— Кто идет под знаком Корня? — спросил Кассиэль, не отрывая взгляда от флага.

— Тот, кто спрятал их всех, — тихо сказала Мордвинова, и в ее голосе было то, чего она не позволяла себе девятнадцать лет: дрожь. — Тот, кто собирал детей Первого, чтобы не дать ни одному Двору их убить. Тот, кто однажды дал мне ляжку взамен потерянной руки. — Она сглотнула. — Брат моего мужа. Семьдесят лет считался мертвым.

— Это значит? — спросила Лиара.

— Это значит, что под этим флагом идут те, о ком вы двое до сих пор не знали. — Мордвинова посмотрела на Дариана. — Дариан. Посмотри на знамя. На вышитый корень. Ты помнишь герб, который носил твой отец?

Дариан побледнел — пепельная кожа потемнела до цвета мокрого угля.

— Нет, — прошептал он. — Нет. Наш род... Собиратели не скрывали герб. Герб был открытый.

— Открытый — для мира. Скрытый — для работы. Ваэль носит открытый. Твой отец носил другой. — Мордвинова заговорила быстро, как будто словоццо ей осталось жить несколько минут. — Собиратели были не кастой Бездны, Дариан. Собиратели — это всегда были **сборщики Первого**. Свои для своих. Ваэль это знает. Ваэль это скрывает. Ваэль живет с этим легко — потому что легкая жизнь достается тем, кто встал на чужой правде.

Рога на западе стихли. И тут же, с севера и юга — **вместе**, — зазвучали два клича, и две армии сдвинулись с места.

— До заката — двадцать минут, — сказал Кассиэль, глядя на золотую пыль, что поднялась на севере. — Лиара. Слово нужно сказать до заката. Если мы не успеем — они войдут в город и рубить будут всех, включая нас. Ты выбираешь, когда.

Лиара посмотрела на небо. Потом на алтарь. Потом на двоих — ангела и демона, — которые стояли рядом, как будто всегда стояли рядом, как будто триста лет войну вели не они двое, а кто-то третий, кого больше нет.

— Сейчас, — сказала она. — Держите мои руки. И не отпускайте, что бы я ни сказала.

Она вдохнула.

И кровь — вся, все три — поднялась к ее ладоням.

МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ

Глава 11. Те, кто под черным флагом

Черное знамя с серебряным корнем двигалось по мертвой полосе медленно — так, как ходит тот, кому нечего бояться ни севера, ни юга. Впереди строя ехал всадник без шлема. Седой, широкоплечий, с лицом, которое Дариан узнал бы из тысячи — потому что видел его каждый день в зеркале, только на тридцать лет старше.

— Отец, — сказал Дариан. Одно слово. Оно вышло из него так, будто пролежало в горле все двадцать пять лет.

Люди под флагом — а их было немного, сотни две, не легион — остановились ровно на полпути между двумя армиями. И тогда произошло то, чего не понимал еще никто из стоящих на стенах: обе армии — золотая с севера и пепельная с юга — **застыли**. Не по команде. По инерции. Воины на передних линиях поворачивали головы и смотрели на черный флаг так, как смотрят на похоронную процессию, когда не знаешь, кто умер.

— Почему они их боятся? — прошептала Лиара.

— Они их не боятся, — ответила Мордвинова, стоя рядом на стене. — Они их **помнят**. Помнят то, что сами стерли из себя. Это хуже страха.

Внизу, у западных ворот, всадник спешился. Стража Академии расступилась сама, без приказа. Старик шел через двор, и Кассиэль — Кассиэль, который дрожал у обрывов и не дрожал в битвах, — сжал перила так, что дерево скрипнуло.

— Я знаю его, — сказал он тихо. — Я знаю его голос. Мне читали хроники сражений этим голосом. В военном храме. Он был... он был первым наставником Хранителей. Его считали погибшим в Третьем Возобновлении. Ему ставили статую.

— Статую ставят тем, кого удобно считать мертвыми, — сказала Мордвинова.

Старика провели наверх, в кабинет ректора, — и он вошел, не дожидаясь приглашения, как входят в дом, который сам же построил.

— Вера, — сказал он. — Ты постарела.

— Ты нет.

— Мертвые не стареют. Это единственное удобство. — Он оглядел комнату, и взгляд его задержался на Лиаре. Долго. — Ростом в мать. Упрямством — не знаю, в кого. Досадно.

— Кто вы? — спросил Кассиэль. Голос у него был ровный, но Лиара слышала в нем то, что слышит только она: дрожь. Тот самый человек перед обрывом.

Старик повернулся к нему. И улыбнулся — так, что у Кассиэля, по его собственному признанию много позже, земля на секунду ушла из-под ног: **так улыбался его отец**.

— Меня звали Тейя́р Хранитель Клинка. Потом — Тейяр под Корнем. Тебе, мальчик, я должен извинение: я научил твой храм гордиться мечом — и не научил его опускать. Это моя война. Триста лет — моя война.

— Твоя? — Лиара шагнула вперед. — Начало войны — ...

— Начало войны — я. — Он сказал это без паузы, без подготовленного вздоха, как говорят «двести плюс двести — четыреста». — Не Первый. Первый хотел мира. Первый умер, не увидев его. Войну начали мы — те, кому он доверил свой замысел. Нас было четверо. Три крови: ангел, демон, человек — и я, его сын, человек. Мы должны были провести Триединство через Дворы — законно, медленно, поколениями. Мы не выдержали медленности. Мы решили ускорить. И для ускорения нам понадобилась война — маленькая, управляемая, чтобы обе стороны испугались и согласились. — Он посмотрел на свои руки. — Управляемая война

— это как управляемый пожар. Ты поджигаешь траву и говоришь себе: я потушу. А потом приходит ветер.

— Рога четырнадцатого дня, — прошептала Мордвинова. — Это вы их тогда... все триста лет?

— Каждый год. Одну и ту же ноту. Чтоб никто не забыл, с чего началось. Я — тот, кто начал, я и следил, чтобы никто не кончил, пока не придет тот, кто может сказать слово. Хранители Клинка, — он кивнул Кассиэлю, — были моей рукой. Собиратели, — он повернулся к Дариану, — моей памятью. Корень — моей ложью, за которую я плачу позором: я заставил твой род прятать свое имя, мальчик. Ваши прадеды были людьми. Демоническая кровь вошла в вас позже, при моем сыне, — вынужденно, чтобы выжить в Бездне. Ваэль знает полную историю. Он выбрал ее продать. Ты выбрал ее не знать. Вы оба лгали — просто по-разному.

В комнате стало очень тихо.

— Лжи, — сказал наконец Дариан, и это слово далось ему труднее всего в жизни, — не по-разному. Ложь — одинаковая. Разное — то, что с ней делают потом. — Он поднял глаза. — Вы двести лет прятали наш род от нас самих. Ваэль продавал. А я... я что делал, Тейяр? Скажите. Я в вашем списке есть?

— Ты — та строка, которую я вписал последним и которую перечитывал чаще всех. «Второй сын Собирателя. Сомневается». — Тейяр вздохнул. — Сомневающийся — самый опасный человек в любой войне, Дариан. Он может пойти в любую сторону. Сегодня я пришел узнать, в какую пошел ты.

— Ты пришел узнать, — раздался от двери новый голос, — не в какую сторону пошел мой брат. Ты пришел посмотреть, **готов ли он к тому, что я тебе продал**.

Ваэль стоял в дверях. В форме Пепельного Двора, с открытым гербом Собирателей на груди — и за его спиной, выстроившись, стояли четверо в черном. Совет Бездны. Он привел их сам.

Глава 12. Что продал Ваэль

— Убери свое посольство с моего порога, — сказала Мордвинова, не вставая. Ей не надо было вставать. Все девятнадцать лет ее ректорства это были самые страшные три секунды в Академии — когда она говорила «убери».

— Мой порог здесь, Вера, — Ваэль шагнул внутрь. — Как и твой. Ты вписала себя в род — я вписал сюда Бездну. Мир изменился, посчитай очки заново.

Он оглядел комнату — и остановил взгляд на брате. На Лиаре. На Тейяре.

— Значит, старик все-таки живой. Хорошо. Меньше объяснений. — Он повернулся к Дариану, и Лиара увидела, как у Дариана дрожат пальцы — а лицо осталось спокойным, привычно-улыбающимся. Она впервые поняла, что улыбка на нем сейчас — это не щит. Это надгробие. — Ты хочешь правду, младший? Настоящую, с начала?

— Я всегда ее хотел. Ты всегда ее придерживал.

— Потому что она страшная. Слушай. — Ваэль говорил быстро, отчеканивая, как будто диктовал приказ. — Отец наш был не Собирателем. Он был человеком под Корнем — из людей Тейяра. Мать наша была демоном из Бездны — и умерла, когда мы родились, потому что смешанная кровь рвет носительницу. Мы с тобой — первые смешанные Собиратели. Тейяр дал нам имя, герб и место в Бездне — чтобы род Первого жил под чужим флагом. Все, что мы собирали все эти поколения, — души, реликвии, свидетелей — мы собирали для него. Для Корня. Я узнал это в шестнадцать лет и в шестнадцать лет понял одну вещь: этот мир строился на лжи двести лет, и ложь эта держит **мир**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.